

1001 ночь.

Рассказ о Харуне ар-Рашиде и Ситт-Зубейде

Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид любил Ситт-Зубейду великой любовью. Он устроил ей место для прогулок и сделал там прудик с водой и доставил изгородь из деревьев и пустил в пруд воду со всех сторон, и деревья сплелись над ним так, что, если ктонибудь подходил к этому пруду, чтобы помыться, его никто не видел из-за обилия листьев на деревьях. И случилось, что Ситт-Зубейда пришла однажды к пруду..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят шестая ночь

Когда же настала триста восемьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт-Зубейда однажды пришла к пруду и стала смотреть на его красоту, и ей понравилось его сверканье и то, как сплелись над ним деревья. А было это в очень жаркий день, и Ситт-Зубейда сняла одежду и вошла в пруд и встала там (а вода не покрывала того, кто стоял в ней) и стала наполнять серебряный кувшин и поливать на себя. И халиф узнал об этом и вышел из своего дворца, чтобы подсмотреть за ней из-за листвы деревьев, и увидел ее голую, и было видно у нее то, что бывает закрыто. И когда Ситт-Зубейда услышала повелителя правоверных, который был за листвами деревьев, и поняла, что он видел ее голой, она повернулась и увидела его и, застыдившись, закрылась рукою, но не совсем, и ее тело виднелось из-под руки. И халиф тотчас же повернулся, удивленный этим, и произнес такой стих:

"Глаз увидел моте гибель,

И горю я от разлуки".

И он не знал, что после этого сказать, и послал за Абу-Новасом, призывая его. И когда поэт к нему явился, халиф сказал: "Скажи стихотворение, которое бы началось словами:

"Глаз увидел мою гибель"

И горю я от разлуки".

И Абу-Новас сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И в следующее мгновенье сымпровизировал и произнес такие стихи:

"Глаз увидел мою гибель,

И горю я от разлуки,

От газели, меня сразу

Взявший в плен, под сенью сидра [404],

Что водою обливалась

Из серебряных кувшинов.

Видя нас, его закрыла,

Но был виден из-под рук он,

О, когда б на нем побить мне

Два часа или часочек".

И повелитель правоверных улыбнулся словам Абу-Новаса и оказал ему милость, и Абу-Новас ушел от него довольный.